

ПОНЕДЕЛЬНИК

1.

Инка

Если бы Трошкина не накинулась на яблочный пирог, как голодный волк на аппетитную бабушку, я бы не отправилась на ночную прогулку в одиночестве. Но мы еще дома решили, что быть в Вене и не отведать знаменитый апфельштрудель — это преступление, а Трошкина у нас до противности законопослушная гражданка. Поэтому она самым добросовестным образом продегустировала все пять разновидностей прославленного пирога, изрядно опустошив витрину микроскопической кондитерской на Грабен, и какой-то из представленных образцов ее организму очень сильно не понравился.

— Что немцу хорошо, то русскому смерть! — перевернув пословицу, назидательно сказала я позеленевшей подружке.

Я тоже неслабо прошла по буржуйской выпечке, но мой желудок благодаря постоянным тренировкам под руководством папы-кулинара сделался крепким, как перегонный куб алхимика. Поэтому я счастливо избежала затяжной экскурсии по общественным уборным австрийской столицы и не имела острой необходимости ограничить свою вечернюю программу стенами клозета.

— Не жди меня, Инка! Пойди погуляй, ночная Вена так прекрасна! — сдавленным голосом из гостиничного туалета благословила меня на одинокое странствие добрая подруга.

Она уединилась в клозете с тремя рулонами превосходной мягкой бумаги и буклетом, подготовленным для постояльцев администрацией гостиницы. В богато иллюстрированном издании содержалось множество интересной и полезной информации, что должно было отчасти утешить бедную Алку: сидя на горшке, она одновременно культурно росла и, будучи девушкой не жадной, через дверь делилась со мной наиболее любопытными фактами:

— Кузнецова, а ты знаешь, что в основе нашей гостиницы находится строение старинной кайзеровской конюшни?

— Не зря, значит, тут бегают эти жеребцы! — пробормотала я, заглядевшись на парней, которые как раз прошли под окном.

Парни были возмутительно красивые, словно с журнальной обложки. Один — смуглый брюнет с художественно растрепанными кудрями, второй — пепельный блондин с очами светлыми и дымчатыми, как опалы. Оба высокие, стройные, как пловцы олимпийской сборной, румяные и белозубые. Я почувствовала, что готова влюбиться без памяти, только с ходу не решила, в кого именно, а влюбляться без памяти сразу в двоих казалось мне немножко неприличным.

— Кулебякин назовет тебя абсолютно безнравственной даже в том случае, если ты закрутишь вдвое меньше романов, чем тебе хочется, — затейливо

высказалась по поводу моих метаний отвратительно благонаравная Трошкина.

Мой бойфренд, претендующий на почетное и ответственное звание жениха, милицейский эксперт-криминалист капитан Кулебякин изначально отнесся к моей идее совершить небольшое заграничное путешествие без всякого одобрения. Сам он ни в какие дальние страны отправиться не мог, потому что строгое милицейское начальство отказало ему в отпуске. Я ехала не одна, а в компании старой верной подруги Трошкиной, но Кулебякина это утешало мало. Он предпочел бы, чтобы я взяла с собой кого-нибудь более зубастого, например его собственного бассета Баркляя, чтобы тот облаивал моих иностранных кавалеров оптом и в розницу. В том, что новые поклонники за рубежами нашей родины у меня непременно появятся, милый не сомневался (и тут я была с ним вполне согласна). Причем особенно подозрительны моему ревнивому другу были именно граждане Австрийской Республики: Кулебякина откровенно настораживала национальная традиция называть каждого мужика сомнительным словом «герр». Он так и говорил мне, в сердцах сбиваясь на рычание:

— Далась тебе эта хер-р-ровая Австрия!

Так что Трошкина была абсолютно права: Кулебякин, узнай он о моих планах блицкрига на австрийском любовном фронте, был бы крайне недоволен. Впрочем, рассказывать милому капитану о своих курортно-туристических похождениях во всех интимных подробностях я не собиралась.

А зануда Трошкина могла бы удержать меня от морального падения на чрезмерную глубину, если

бы взяла одного красавца себе. Увы, Алка все время поездки (уже второй день) натужно хранила лебединую верность своей великой любви — моему беспутному братцу Зяме. Хотя он-то расстался с Трошкиной с обидной легкостью и даже не отговаривал ее от поездки, которую моя бабуля со свойственной ей суровой прямоотой назвала безумной авантюрой.

Бабуля никогда не бывала в Австрии, но категорически отказывалась считать ее спокойной цивилизованной страной. Репутацию этому государству испортили два человека: самый известный австрияк двадцатого века — Адольф Гитлер и современный маньяк с трудной для запоминания фамилией, долгие годы удерживавший в плену Наташу Кампуш. Душераздирающую историю этой венской девочки бабуля рассказывала раз сто — все надеялась отвлечь меня от поездки в дикую Австрию, где с красивой белокурой малышкой может приключиться ужасная беда. Я действительно успела вернуться к привычному и родному цвету волос, которые до этого примерно полгода были черными как смоль. В сочетании со светлыми глазами это выглядело очень эффектно — я убедилась в этом на примере бравых пограничников, которые засмотрелись на мое брютетистое фото в загранпаспорте, как на разворот «Плейбоя». Тем не менее драматическая история австрийской девочки Наташи меня не пугала. Хотя бы потому, что с моим ростом — сто восемьдесят сэмэ — я определенно переросла статус беспомощной крохи.

Это не помешало доброй бабушке накануне поездки окружить меня самым деятельным и утоми-

тельным вниманием. Она проверила мой чемодан на предмет вложения в него таких жизненно важных для заграничного путешественника предметов, как шерстяные носки, теплое нижнее белье, компас, фонарик и консервы «Завтрак туриста» — это я еще стерпела, хотя и предвидела неприятный разговор с пограничниками и таможенниками по поводу крайне подозрительной жестяной банки. Но когда бабуля собственноручно нашла на мои любимые стринги потайной кармашек для денег, я взбунтовалась.

— Ба! Я кто, по-твоему, чтобы валюту в трусы складывать?! — возмутилась я.

— Не хочешь в трусы — не надо, — на удивление кротко согласилась бабуля. — Клади в лифчик!

— Будто мне больше нечего туда положить! — фыркнула я.

На это заботливой родственнице возразить было нечего, но она еще долго при каждом мало-мальски подходящем случае пересказывала мне замшелые правила безопасной транспортировки наличных в нижнем белье и угомонилась лишь после того, как спрятала за подкладку моей куртки свою собственную карточку VISA — подкожные пластиковые деньги на черный день.

В чем-то мудрая бабушка оказалась права: я действительно чувствовала себя на чужбине гораздо более уверенно, нащупывая сквозь карман плотный прямоугольничек. То, что карта не моя, а бабулина, роли не играло: я крепко запомнила пинкод, он у нее очень легкий.

— Правильно, — уже в Вене, приятно богатой банкоматами, похвалила меня практичная Трош-

кина. — Запас карман не тянет. Поездки — дело непростое, самый удобный тур чреват непредвиденными тратами и проблемами. А денег на эту карточку ты добавила или там одна бабулина пенсия лежит?

Пришлось сказать, что я в отличие от некоторых не дуручка, и тогда Алка вынужденно признала, что я молодец.

— Подумаешь! Я еще и вышивать, и на машинке умею! — самодовольно мурлыкнула я, не уточнив, что машинка имеется в виду не швейная, а четырехколесная. И, продолжая набиваться на комплименты, ничтоже сумняшеся перешла на псевдоитальянский:

— Руссо туристо! Облико морале!

— Аморале! — ворчливо поправила Алка.

Ей, зануде, очень не понравилось, что по дороге со Стефанплац мы пару раз перешли улицу на красный свет, не дождавшись, пока тикающий, как взрывное устройство, светофор призывно позеленеет. Наладить прочные отношения с венскими светофорами нам пока не удалось. На второй день пребывания в столице Австрии я уже знала, что на местных светофорах бывают специальные кнопочки, но обращаться с ними еще не научилась. Между прочим, именно Алка погнала нас через дорогу, не дождавшись, пока я найду заветную кнопочку. Видите ли, ей показалось, что я выгляжу ужасно непристойно, когда ощупываю светофорный столб (по всей его длине) с усердием тайской массажистки, обрабатывающей VIP-клиента.

Поэтому я была даже рада возможности побро-

дить по дивному ночному городу без своей унылой дуэньи.

Итак, в восьмом часу вечера, оставив Трошкину вдумчиво изучать интерьер туалетной комнаты в помпезном имперском стиле, я пошла гулять по Вене.

Прогулка в стиле «бизнес-туризм» затянулась надолго. С деловой частью программы я справилась быстро, а вот развлекательной наслаждалась без спешки.

Сумрак в расщелинах старинных улиц упоительно благоухал кофе, ванилью и цветущей сиренью. Лыдисто сверкали витрины закрытых магазинов, тепло светилась позолота многочисленных статуй, горели свечи на столиках уличных кафе... Глазея, обоняя, внимая и впитывая, я без устали шагала по узким улочкам и часика через три поняла, что заблудилась.

— Дезориентирен? — притормозив рядом со мной, участливо спросил белый как лунь дедуля в щегольском плашике из неотбеленного льна.

— Есть немного, — призналась я, тщетно пытаюсь сложить карту размером с добрую скатерть.

На весеннем ветру эта бумажная простыня развернулась, как лодочный парус, и возвращаться в исходное компактное состояние упорно не желала. К счастью, помимо туристической брошюры, у меня была черно-белая карта, скачанная из Интернета, и поутру добрый клерк из отеля отметил на ней мое временное трехзвездочное пристанище трагическим крестиком. К сожалению, названия второстепенных улиц на карте пропечатались нечитаемыми микроскопическими буквами. Впрочем, я

не горевала по этому поводу — я же все равно не знаю немецкого. Я, если честно, и по-английски говорю примерно так же, как Пятница, взявший пару коротких уроков у Робинзона.

При таких условиях одинокая пешеходная прогулка по ночной Вене неизбежно превращалась в увлекательное приключение в многообещающем стиле «русский экстрим».

— Плиз, хелп ми, — с роскошным кубанским прононсом сказала я внимательному старичку. — Вер из май хотел? Итс Пента Вьен.

— Ингланд?

— Но, но! Рашн! — улыбнулась я.

То, что меня с таким африканским английским приняли за уроженку туманного Альбиона, резко повысило мою самооценку.

— Русиш?!

Узнав мою национальную принадлежность, австрийский дедушка чрезвычайно взволновался и незамедлительно поведал, что в молодые годы он был «зольдатен» и воевал в «Русланд».

— Дойчен зольдатен ниht капитулирен, — нестати вспомнила я, заодно сильно погрешив против мировой истории.

— Я извиняйтсь, — дедуля сначала покаянно понурил седую головушку, а потом по-своему попытался компенсировать моральный ущерб, нанесенный им когда-то всему советскому народу.

Народ, естественно, представляла я. Экс-зольдатен нежно взял меня под локоток и повел в нужном направлении.

Я шла и все сильнее волновалась — не о себе, нет! Седенький старичок в белых одеждах здорово

походил на заиндепевшего богомола, обещающего отойти в мир иной с первыми осенними заморозками. Мне сделалось тревожно: а ну как от перепада температур и переживаний славному дедушке придет внезапный капут, а я даже не смогу вызвать «Скорую»?! Мобильник у меня был, но я не знала, как позвонить в неотложку. И спросить было не у кого: дед говорил только по-немецки. Я собрала в кучку все свои скудные познания в языке Шиллера и Гете, щедро сдобрила их фантазийными словесами в псевдоготическом стиле и, часто приседая в книксенах, проникновенно сказала:

— Прогулкен — даст из фантастиш, но шли бы вы, дедуля, на хаузен, битте!

Уж не знаю, как это прозвучало для немецкого уха, но дедок отстал. То ли умудрился меня понять, то ли остолбенел от удивления, что я вдруг заговорила человеческим голосом. Мы расстались очень довольные друг другом.

Кварталом позже на моем пути встретила японская чета. Эти не знали даже немецкого, а у меня всегда было плохо с японским. После пятиминутной дискуссии на разных языках мы нашли одно общепонятное слово: Москва. Японцы очень обрадовались и по собственной инициативе проводили меня в российское посольство.

— Данке шен! — поблагодарила я, царапая брусчатку в реверансе.

Будить российского консула я не собиралась. Во-первых, была уверена, что найду дорогу до отеля и без него. Во-вторых, у меня при себе не было паспорта, зато имелась твердая уверенность, что наш российский чиновник и за рубежом поинтере-

суется в первую очередь бумажкой, без которой я не человек, а нечто такое, чему место не в посольстве, а там, где засела хворая Трошкина.

Дождавшись, пока добрые японские люди уйдут восвояси, я обошла форпост отечества по периметру, попутно с интересом осматривая достопримечательности — фонтанчик и старинный православный собор. Очень симпатичная маленькая церквушка находилась в стадии реставрации: ее окружали строительные леса, на которые мне сразу же захотелось забраться.

В горные выси меня повлекло отнюдь не стремление к духовному росту. Я вспомнила, что видела что-то очень похожее на такую вот башенку с куполом-луковкой в правом верхнем углу окошка своего номера в комфортабельной имперской конюшне. По идее, приблизившись к куполу, я должна была увидеть отель. Это сильно облегчило бы дальнейшую навигацию в тихую гавань с удобной кроваткой.

Не теряя времени даром, я обежала церквушку, нашла вблизи заколоченной двери широкую наклонную доску-трап, поднялась по ней на леса и с самой верхотуры с интересом обозрела окрестности. Зрительная память меня не подвела: теплое трехзвездочное стойло, унаследованное мной и Трошкиной за лошадами Вильгельма Какого-то, обнаружилось совсем рядом.

— Ну все понятно! Спуститься, пройти квартал вперед, повернуть налево, подняться на мостик — и сразу за ним будет отель!

Я скоренько проложила курс и даже заготовила в дорогу подобие лощи, пощелкав в нужную сторо-

ну фотоаппаратом. Снимок мог сойти за карту местности.

Засмотревшись на дисплей камеры, где застыла вполне качественная цветная картинка — вид квартала с высоты комариного полета, — я не сразу заметила, что доски подо мной задрожали. А когда ощутила это, не сразу поняла причину сего внезапного волнения: мне подумалось, что почву сотрясает какой-то тяжелый транспорт. Я выглянула на улицу и...

Сильный удар чуть ниже спины отшвырнул меня с лесов, как лодочное весло — зазевавшуюся лягушку!

Падала я, будучи в полном сознании и абсолютном ужасе, поэтому мой полет ознаменовался во всем, которого культурные столицы Европы не слышали, наверное, со времен авиационных налетов Второй мировой. Я бомбой просвистела мимо трехэтажных лесов и за ничтожное мгновение до неизбежной встречи с землей малодушно отключилась.

2.

Алла

В тот прекрасный апрельский день, полный света, радости и волшебной музыки Моцарта, ничто не предвещало беды. Я от души наслаждалась поездкой, и даже случайное недомогание не испортило впечатления от первых дней нашего пребывания в столице Австрии.

Тучи начали сгущаться ближе к вечеру. То есть погода несколько не ухудшилась: вечер был дивный, теплый, ласковый, и я искренне порадовалась

за подружку, которая отправилась на приятную прогулку. Однако время шло, вечер превращался в ночь, добропорядочные венцы перемещались в спальни, где облачались в уютные пижамы и теплые колпаки, фонари на улицах и площадях гасли, погружая сонный город во мрак... А загулявшей Кузнецовой все не было и не было!

Не скрою, я начала волноваться. Потерять счет времени, предавшись разнузданному шопингу, Инка никак не могла: все торговые точки давно закрылись. И утешительную версию о том, что она задержалась в какой-нибудь бюргерской пивной за дегустацией восемнадцати сортов австрийского пива, тоже пришлось отбросить после двадцати двух часов: к этому времени выпроводили посетителей даже самые долгоиграющие заведения венского общепита. Таким образом, я не знала, куда запропастилась моя подруга, и, к сожалению, не могла ей позвонить. Я весьма продолжительное время находилась в помещении, не оснащенном телефонной связью, и по не зависящим от меня причинам физиологического характера не могла из него выйти, чтобы взять оставленный на прикроватной тумбочке мобильник.

Такая возможность появилась у меня только в одиннадцатом часу вечера. К этому моменту мое самочувствие улучшилось, зато настроение ухудшилось, потому что Инка упорно не отвечала на мои звонки. Сама того не желая, я стала думать о грабителях, маньяках, всякого рода маргинальных личностях и разных генетических уродках, которыми должна быть богата старая Европа с ее многовековыми традициями близкородственных браков.

Закрывая слезящиеся от ветра и горя глаза, я явственно видела белокурую красавицу Кузнецову прикованной к сырой стене подземелья мрачного готического замка какого-нибудь дегенеративного австрийского фон-барона.

Не в силах выносить состояние мучительной неизвестности, я вышла на балкон и некоторое время с тревогой обозревала окрестности, напрягая глаза в попытке разглядеть в подступившем к отелю мраке знакомую фигуру в приметной оранжевой курточке. Ее я так и не увидела, зато узрела неподалеку красивую церквушку, судя по архитектуре — православную. Я расценила это как знак свыше: до того момента я решительно не представляла, к кому обратиться с мольбой о помощи. Поделиться своей проблемой с персоналом отеля я не могла по причине незнания немецкого, а звонить русскоговорящим родным и близким в Екатеринодар не имело смысла — помочь они ничем не смогут, а волноваться будут еще больше, чем я. То ли дело добрый боженька, он, если захочет, и поймет, и подсобит!

— Господи! — прошептала я, устремив молящий взгляд на тускло золотящуюся луковицу купола. — Прошу тебя, пусть Кузнецова живой и невредимой вернется в отель, а то я так беспокоюсь, что просто убила бы эту идиотку!

Наверное, высшие силы нашли мою просьбу противоречивой — никакого отклика на нее я не получила. Я помолилась еще («Господи, наставь Кузнецову на путь истинный к гостинице!») и еще («Господи, дай сил мне и не дай их маньякам!»), но ситуация не изменилась. Рассудив, что мои молитвы скорее и вернее дойдут до отца нашего небесно-

го, если я озвучу их непосредственно в храме, я живенько собралась, вышла из гостиницы и побежала к церквушке.

Увы, она была закрыта! Вокруг здания в несколько ярусов поднимались строительные леса. Я подошла к церкви близко, как смогла, — буквально уткнулась носом в кирпичную кладку — и не по канонам, но с большим чувством забормотала:

— Господи, на все воля твоя, спаси и сохрани странствующую Кузнецову, укажи ей дорогу к отелю и с опережением обрушь свою карающую десницу на головы злоумышленников, которые могут...

Закончить фразу я не успела, ибо в следующий миг получила немедленное подтверждение того, что даже всевышний не свободен от мужского шовинизма и придерживается принципа: «Выслушай женщину и сделай наоборот». Воистину, первочеловек Адам был сотворен им по собственному образу и подобию!

Краем глаза я заметила стремительно надвигающуюся тень, и чья-то увесистая десница обрушилась на мою собственную голову.

Если бы не привитая мне покойной бабушкой похвальная привычка носить головные уборы, мой череп мог бы серьезно пострадать от соприкосновения с кулаком злодея. К счастью, на мне была мягонькая трикотажная шапочка, которую я на подходе к церкви ассоциативно — для пущего сходства с монашенкой в клобуке — накрыла стеганым капюшоном плаща. Двойная амортизация убергла от черепно-мозговой травмы, но и напавшего на меня негодяя я не увидела: от удара шапка сползла на левый глаз, а правый закрыл покривившийся

капюшон. Пока я с ревом и воем освобождала себе обзор, злодей исчез, как будто его и вовсе не было. Но шишка, стремительно созревающая на моей голове, и левое ухо, горящее огнем, как пирожок с пылу с жару, свидетельствовали об обратном.

— Ах ты, гад! — размазывая по лицу слезы, тушь, тени и помаду, вскричала я. — Ну уж нет! Я этого так не оставлю!

По причине тесной многолетней дружбы с потомственной авантюристкой Кузнецовой у меня не всегда получается быть добропорядочной гражданкой, но в идеале я к этому стремлюсь. Я исправно плачу налоги, хожу на выборы, не нарушаю правила дорожного движения, сигнализирую куда надо о подозрительных личностях и предметах. Разумеется, даже в чужой стране я не могла пройти мимо такого вопиющего нарушения закона, порядка и мирного течения жизни, как неспровоцированное нападение уличного хулигана на одинокую беззащитную интуристку!

Я вспомнила, что рядом с красивым особняком российского посольства видела представительного мужчину в полицейской форме, и побежала сигнализировать.

3.

Катя?

В оглушительной тишине надо мной слева направо проплыл призрачно сияющий радужный шар.

— Это что? НЛО? — без особого удивления прошепестел мой внутренний голос.

Светящийся шар неспешно пролетел в обратном

направлении. Я поморгала, стряхнула с ресничек слезинки и опознала в предполагаемом НЛО большую электрическую лампочку. Стекло­ванная груша на длинном шнуре свисала с лесов и медленно раскачивалась.

Я заворочалась, и ватную тишину распорол противный скрип, неприятно напоминающий о пружинах продавленного дивана. Я поднялась, огляделась и обнаружила под собой проволочный стог, под давлением моего тела превратившийся в подобие большого птичьего гнезда.

— Где я? — услужливо подсказал реплику внутренний голос.

Я послушно огляделась. Справа от меня высилась каменная башня в тройном кольце строительных лесов, слева поднималась баррикада из бумажных мешков, содержимое которых было обозначено словом на незнакомом мне языке. Слово было длинное, как товарный состав, и при попытке озвучить его травмировало мой речевой аппарат колючками многочисленных согласных. Ни малейшего смысла в этих неуютных фонамах я не уловила.

Кряхтя, как старая бабка, я встала, отряхнула одежду. Сунула руки в карманы куртки и убедилась, что они пусты.

— Ну вот, приехали! — ахнул мой внутренний голос. — Тебя ограбили!

— Кто? — закономерно поинтересовалась я и снова огляделась.

Вокруг не было ни души.

Я не поленилась обойти башню кругом и минут десять бродила среди мешков, ящиков и холмиков, заботливо укрытых полиэтиленом, спотыкаясь о

них же и все больше проникаясь мыслью, что делаю что-то не то.

— Слушай! — позвал меня внутренний голос, когда я завершила круг почета и пришла к своему опустевшему проволочному гнезду с другой стороны. — Может, лучше пойдём отсюда?

Это предложение мне понравилось, но показалось недостаточно конкретным, и я попыталась уточнить:

— А куда?

— Ну... Куда-нибудь, — растерялся внутренний.

И тут я почувствовала, как по позвоночнику вереницей побежали мелкие мурашки. Никакого представления о том, как я попала на эту стройку, у меня не было!

— Может, ты вылупилась из этого проволочного кокона? Как птенец из яйца стальной птицы! — зло съязвил откровенно напуганный внутренний голос. — Тогда со временем из тебя вырастет самолет! Натренируешься наматывать круги вокруг башни и станешь чартером!

Этот идиотский треп лишил меня остатков душевного спокойствия. Отвесив могучий пинок предполагаемому самолетному гнезду, я в гневе и страхе гаркнула:

— К черту подробности!!!

И, когда внутренний голос испуганно заткнулся, дрожащим дискантом спросила о главном:

— Кто я?!

Я не сомневалась, что видала в своей бурной молодой жизни всякое, но это ощущение тотальной потерянности сравнить мне было не с чем. Думаю, даже Машенька, заплутавшая в диком лесу вблизи

секретной резиденции трех медведей, чувствовала себя не в пример уютнее.

— Как это возможно, вообще не знать, кто ты такая? — возмущался мой внутренний голос. — Собирайся с мыслями, сосредоточься и вспомни!

— Не могу, — с трудом сдерживая слезы, призналась я.

Ни имени своего, ни адреса — вообще ничего такого персонального! — я не помнила, хоть убейте! При этом, что интересно, базисные и абстрактные безличностные знания и навыки остались при мне. Я могла прочитать буквы на мешках и помнила, что они называются латинскими. Я узнала в здании, вокруг которого пробежала стометровку, культовое сооружение, архитектурно соответствующее канонам христианской православной церкви. Я знала о гипотетическом существовании в обитаемой Вселенной НЛО и умела отличать от них грушевидные электрические лампочки. Я даже Большую Медведицу в небе опознала без труда!

— Так, судя по звездам, ты на планете Земля, где-то в Северном полушарии, — внутренний голос перестал истерить и заговорил конструктивно. — Интересно, что это за страна?

— Россия? — предположила я, поглядев на церковь.

— Европа! — уверенно возразил внутренний. — Смотри, как аккуратно ближайшие березки противокмаринной сеточкой укутаны, чтобы, значит, их штукатуркой не заляпали.

Я привстала на цыпочки, посмотрела на черепичные крыши невысоких домов:

— Чехия? Или Польша?

Но тут же вспомнила бесконечное слово, напечатанное на мешках, и окончательно определилась:

— Это Германия или Австрия, точно! Такими длинномерными словесами отчаянно грешит именно немецкий язык!

— Итак, ты немка, — постановил внутренний голос и надолго замолчал.

Я тем временем на глазок прикинула свой рост — не меньше ста восьмидесяти сэмэ, оценила золотистый колер локонов и долго таращилась в полированный пяточок металлической пуговицы на манжете, выясняя, какого цвета у меня глаза. Вроде бы светлые.

— Рослая, белокурая, голубоглазая — типичная арийка! — взбодрился мой внутренний голос. — Как тебе имя Гретхен, ничего не говорит? Нет? Может, какое-нибудь другое германское имя в памяти всплывает? Что-нибудь особенно близкое и родное?

— Какая-то ерунда всплывает, — вздохнула я. — Клара Цеткин, Роза Люксембург, Инесса Арманд... А из сколько-нибудь родного и близкого германского только фрекен Бок, но это точно не я, у нее Карлсон был, а я одинока как перст. Торчу на этой стройке, как стремянка!

Ужасно захотелось заплакать.

— А ну не нить! — прикрикнул на меня внутренний голос. — Где хваленый нордический характер? Давай думать, как прелестная немецкая фрейлейн могла оказаться одна на стройке. Может, ты местная ночная сторожиха?

— Еще чего! — возмутилась я. — Я отчетливо чувствую, что гораздо выше этого!

— Так, может, ты прораб или еще какой ценный строительный кадр? Вот у тебя и курточка оранжевая, как жилет дорожного рабочего!

Я снова покосилась на пухлые мешки в неудобочитаемых печатях:

— Будь я квалифицированным строителем, наверняка знала бы, чем набиты эти чучвалы!

— Логично, — огорченно согласился внутренний.

Он немного помолчал и предложил, старательно сдерживая растущую панику:

— Давай подытожим, что мы имеем. Ты знаешь буквы, но не понимаешь слов, которые из них состоят. У тебя нет ни денег, ни документов, а ночуешь ты на стройке, лежа на бухте проволоки. Это все минусы. В плюсах у тебя гренадерский рост, роскошные золотые волосы и голубые глаза. Так что же получается?

— Получается, что я слабоумная бездомная Лорея! — Я раздумала реветь и закатилась истерическим смехом, который только подтвердил эту версию.

Дикий хохот унесся прочь на крыльях свежего ночного ветра. Отсмеявшись и осушив слезы манжетами курточных рукавов, я взяла себя в руки и принялась сосредоточенно искать подсказку для решения сложносоставного вопроса: «Кто я, откуда, почему и зачем?»

Искала я ее в карманах, коих у меня оказалось восемь: пять на джинсах, два на куртке и еще один, декоративный, на голенище правого сапога.

Порадовали штаны — такие тугие, что сунуть руку в карман на попе стоило мне труда. Зато я нашла

артефакт — небольшую квадратную фотографию в плотной бумажной рамочке. На ней была запечатлена светловолосая гражданка, улыбающаяся широко и бессмысленно, как разомлевший Чеширский Кот.

— Это я, что ли?

Отражение в курточной пуговице не позволяло с уверенностью отождествить себя с блондинкой на фото. Местность, на фоне которой снялась улыбчивая гражданка, я не узнала, но это явно была оживленная городская улица, забитая народом. Пешеходы шли по ней плотным строем, какая-то брюнетистая личность буквально висела у блондинки на плечах — растрепанная черноволосая голова запятнала картинку, как чернильная клякса.

Покрутив снимок так и сяк, я вернула его на место и продолжила ревизию. Очень скоро во втором заднем кармане нашлась серебристая бумажка, явно пережившая машинную стирку и скрутившаяся в тугий комочек в форме малюсенького веретена.

— О, это может быть еще одна ценная находка! — обрадовался мой внутренний голос.

Качественные, явно не копеечные джинсы, туго облегающие мою нижнюю половину, стерильной чистоты среди своих несомненных достоинств не числили — стирали их не сегодня и даже, наверное, не вчера, так что бумажное веретенце, несомненно, являлось материальным доказательством реальности моей прошлой жизни, а потому заслуживало внимательного изучения. Я крайне бережно развернула его и после долгих раздумий решила, что это какой-то билетик. Какой именно, понять не удалось. Но не в партер Большого театра, это точ-

но. Скорее всего, на проезд в общественном транспорте: на хорошо отстиравшейся бумажке еще угадывались очертания не то вагона, не то фургона.

— Значит, ты не богатенькая дамочка, раскатывающая на лимузинах, — огорчился внутренний голос.

Я спрятала не сильно порадовавший меня билет поглубже в курточный карман и неожиданно нащупала в мягких внутренностях верхней одежды нечто гораздо более твердое, нежели гусиный пух, — постороннее вложение больше походило на фрагмент гусиного клюва.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказала я себе, осторожно ощупывая непонятное затвердение дрожащими руками.

Я сняла куртку, встала точно под лампочкой, рассмотрела внутренние швы пуховика и довольно быстро обнаружила прореху, аккуратно заштопанную старомодным стежком «назад иголкой». Нож или ножниц у меня не было, но акриловый ноготь успешно их заменил. Покопавшись за подкладкой, я вытащила пластиковую карточку и крепко зажмурилась, не решаясь на нее посмотреть.

Если бы это оказался карманный календарик, или ярлык с указанием желательного режима стирки куртки, или дисконтная карта Гуанчжоуской фабрики плащевых и зонтичных изделий, или памятная пластинка с гравировкой «Из Китая — с любовью!», я бы умерла на месте от жестокого и нестерпимого разочарования. Но небеса сжалились надо мной: это была кредитная карточка VISA «Бета-банка», хитрый вензель которого был красиво вписан в ностальгический пейзаж с березками.

Я едва не прослезилась, но вид вереницы серебристых буквонок, выдавленных вдоль нижнего края карты, вернул мне солнечную улыбку. Теперь я знала, как меня зовут:

— Оказывается, я Катерина Разотрипята!

— Сочувствую, — бестактно ляпнул внутренний голос, испортив всю радость.

Я крикнула и посмотрела на серебристые буквонок с легкой тоской. Случалось мне слышать еще менее благозвучные ФИО, но и Катей Разотрипятой по собственной воле я бы нипочем не стала, это точно. Значит, Разотринога, тьфу, пята, я не по мужу, это моя девичья фамилия. Так сказать, родовое проклятие, унаследованное от предков, которых я, надо полагать, очень сильно люблю, иначе непременно сменила бы трагикомическое отчее имя в день получения паспорта. Я почувствовала желание срочно выйти замуж за первого встречного с неприятельной фамилией Иванов, Петров или Кузнецов. С поправкой на актуальную географию — Иохансон, Петерс или Шмидт (Мюллер, Борман, Штирлиц и Шелленберг тоже сгодились бы).

Впрочем, никаких таких реальных знакомых у меня не было или же я их просто не помнила. Поэтому мои матримониальные мысли были абстрактными, чистыми и прекрасными, как букет флёрдоранжа.

Внезапно на этом красивом и нежном ментальном фоне грязным пятном вздулся ядерный гриб дикой ярости. Я случайно посмотрела на спину куртки, которую машинально вертела в руках, и увидела на ней четкий отпечаток ребристой подошвы!

— Ах вот оно что! — моментально взбесилась я.

Темный отпечаток был не грязный, просто мокрый. Курточная ткань просыхает быстро, значит, кто-то дал мне пинка совсем недавно. А перед этим наступил на мокрое место.

Я быстро огляделась. Вокруг не было никаких луж, и ближайшая ко мне водосточная канава была сухой, как спирт в таблетках. В поисках водоема, где намочил копыто лягнувший меня мерзавец, я еще раз обежала церквушку. Не поленилась даже залезть на леса — и правильно сделала: перевернутая площадка с откисавшим в ней шпателем нашлась именно там. Вода уже впиталась в доски, осталось только мокрое пятно, но мне и этого было достаточно. Выглянув с лесов, я увидела внизу свой помятый проволочный стожок и сразу же поняла, как все было. Значит, я стояла вот тут, а он подскочил сзади, толкнул меня ногой, и я бухнулась с трехметровой высоты, не сломав себе шею только благодаря своевременной встрече с чудесной, замечательной, прекрасной проволокой!

— Шею не сломала, но башкой ударилась и память потеряла! — напомнил внутренний голос.

— Слушай! — задумалась я. — Если этот ногастый гад хотел меня убить, значит, он имел на то серьезную причину? Знать бы, какую... Наверное, у него ко мне что-то личное? То есть он неплохо со мной знаком и...

— И если он тоже не потерял память, то знает о твоей жизни гораздо больше, чем ты сама! — договорил смысленный внутренний.

— Значит, нам имеет смысл познакомиться заново! — попытожила я и с риском повторно свер-

зиться с лесов высунулась подальше, чтобы оглядеть окрестности из-под ладошки.

Была надежда, что лягастый-ногастый не успел далеко уйти, и я поклялась себе найти его.

Ничего особенного для этого делать не пришлось, он нашелся сам. Я услышала, как скрипнули доски, обернулась и увидела поднимающегося на леса мужчину в темной одежде — то ли в синем, то ли в коричневом, я не присматривалась. Меня интересовала главным образом его обувь. На ногах у незнакомца были кроссовки. Можно было не сомневаться, что подошвы у них ребристые!

— Он чуть вошел — она узнала, вся обомлела, запылала и молча молвила: «Вот Он!» — внутренний голос очень удачно прокомментировал ситуацию стихами, автора которых я запомнила.

И еще добавил с невольным уважением:

— Смотри, какой упорный гад! С первого раза укокошить тебя не смог, пришел еще раз попытаться!

— Это мы еще посмотрим, кто кого укокошит, — свирепо пробормотала я и приготовилась атаковать первой.

4.

Лео Амтманн на выходе из участка притормозил у торгового автомата и с вождением засмотрелся на молочную шоколадку с изображением дойной коровы. Это была его ошибка. По мнению Марты, Лео вообще следовало забыть о любимых сладостях, которые — вкупе с любимым пивом — к двадцати шести годам наградили его круглым животиком. В присутствии жены Лео на шоколадки даже